

Апология дуализма

(по статье Н.В.Устрялова «Две веры», 1929)

О.А. Воробьев

Сменовеховец Николай Васильевич Устрялов (1890-1937) вошел в историю прежде всего как идеолог просоветского течения, получившего название национал-большевизма. Ученый правовед, профессор Пермского и Харбинского университетов, автор нескольких довольно неожиданных исследований по истории русской политической мысли, большую часть своего таланта он отдал апологетике советского строя. Ряд исследователей признают, в частности, за Устряловым авторство идеи построения социализма «в отдельно взятой стране», взятой на вооружение сталинским окружением в середине 1920-х годов. Хотя первенство Устрялова здесь весьма сомнительно, учитывая объективную востребованность подобных идей в Политбюро, однако, именно Устрялов был одним из тех, кто принялся интеллектуально оформлять идеологию «третьего советского пути».

Потомок старообрядцев, калужский дворянин Н.В.Устрялов прожил короткую, но довольно яркую жизнь. Выпускник Московского университета, он заявил себя в 1916 году как активный политический деятель «прогрессивного блока». Именем начинающего журналиста, печатающегося также под псевдонимом П.Сурмин, пестрят номера газеты Рябушинского «Утро России» за 1916-1918 гг. К началу 1918 года Устрялов становится председателем Калужского отделения партии кадетов, но чуть позже вокруг московского еженедельника «Накануне» вырастает группа, взявшая курс на раскол кадетского движения. Устрялов и его товарищи по журналу Потехин и Ключников вплоть до лета 1918 года энергично пропагандируют «немецкую ориентацию», сущность которой сводится к признанию итогов унижительного Брестского мира.

В конце 1918 года Устрялов уезжает из голодной Москвы в не менее голодную Пермь, где в начале 1919 года восторженно встречает войска Колчака. Почти весь 1919 год он активно и успешно агитирует за введение Колчаком режима диктатуры, по сути являясь теневым руководителем пропагандистского аппарата Омского правителя. Сразу же после Иркутской катастрофы в январе 1920 года, поставившей крест на перспективах белого движения в Сибири, Устрялову удается бежать через Читу во Владивосток. Однако, как и многие, по дороге он оседает в китайском Харбине, где принимает деятельное участие в создании Харбинской высшей школы.

Начав вскоре контактировать с агентами Советов, Устрялов не пытался ломать себя, идти против своих убеждений. В большевиках он видел силу, способствующую объединению внутренне расколотой и лежащей в руинах страны. Первый эмигрантский сборник его статей «В борьбе за Россию» (1920) получил даже некоторое одобрение П.Б.Струве, письмо Устрялова к которому было не так давно опубликовано¹. В 1921 году им непосредственно интересуется Ленин, встречи с Устряловым ищет и глава Международной организации помощи борцам революции Юзеф Мархлевский². Весной 1924 года Устрялов совершает поездку по Корее уже в качестве советского гражданина.

Проработав почти 10 лет советским «спецом» на КВЖД, в июне 1935 года Устрялов возвращается из Харбина в Москву. Эмигрантская среда вытолкнула нестандартно мыслящего философа как инородное тело. В Москве же Устрялову не нашлось возможности для самореализации, а всего через два года ему предстояло умереть от рук режима, заслуги которого именно он всячески возвеличивал.

Н.В. Устряловым написано огромное количество статей, существует многочисленная литература и по анализу сменовеховского течения русской политической мысли. Устрялову оппонировали в разное время многие деятели русской эмиграции масштаба Петра Струве, Марка Вишняка и Николая Цурикова, на страницах советских изданий с ним спорили Бухарин, Зиновьев и Мещеряков, его неоднократно отмечали в своих выступлениях Троцкий и Сталин. По отношению к Устрялову, кажется, успели высказаться представители практически всех сил из существующего в то время политического спектра. Однако, за стеной справедливой критики и межфракционной полемики почти незамеченными остались многие побудительные причины творчества сменовеховца.

Беру на себя смелость утверждать, что одной из этих причин является гностическая мифология. Воспитанный в традиционной православной семье, считая себя учеником князя Е.Н.Трубецкого и внимательным читателем Хомякова, Устрялов являлся постоянным посетителем заседаний Московского религиозно-философского общества. «Скажу Вам, что сам я – человек вполне православный, в смысле бытового исповедничества...», – писал он в письме евразийцу П.П.Сувчинскому 4 февраля 1927г. ³ Однако, понимая старца Зосиму, Устрялов вполне отрицательно относился к вселенским притязаниям православной догматики. В цитированном письме Сувчинскому он прямо пишет, что ему неприятно слушать фантастические мечты об «оправославлении Востока».

Обитая более 15 лет в сердце китайской Маньчжурии, зная не понаслышке религиозную жизнь соседних Кореи и Японии, постоянно контактируя с буддистским и синтоистским окружением, похоже, со временем Устрялов проникся духом мультирелигиозного конформизма. Именно такое синкретическое мироощущение, как видно из истории, представляет собой благодатную почву для возникновения гностически окрашенного мировосприятия, стержнем которого является мироотрицание.

Не вдаваясь в историю наступления эры гностицизма в духовной жизни России начала XX века, отчетливо запечатлевшейся в образах Распутина, Илиодора и Ленина, хочу лишь отметить факт явственной причастности к нигилизму активного большинства русской интеллигенции. Чего стоит одна истерика, потрясшая читающую Россию после выхода в 1909 году сборника «Вехи»? Авторы нашумевшего издания, многие из которых вполне разделяли господствующие в обществе апокалиптические настроения, всего лишь попытались в публицистической форме запечатлеть феномен «ожидания конца». Вызванная этим бурная дискуссия, перекинувшаяся и на русскую эмиграцию, по сути осудила саму попытку постановки проблемы, в том числе и неразрешенность которой привела к роковому для страны 1917 году.

Основанное в 1921 году в Париже кадетом Ю.В.Ключниковым эмигрантское движение с символическим названием «Смена Вех» было мгновенно подхвачено и усилено его харбинским другом и коллегой. Компиляция из статей Устрялова («Patriotica»), пожалуй, явилась наиболее весомым материалом из всего сборника статей сменовеховцев, вышедшего осенью 1921 года в Праге ⁴. Статьи Устрялова продолжали периодически появляться и в парижском журнале «Смена Вех» – продолжателе одноименного сборника. Идеологически сменовеховцы старались всячески закамуфлировать произошедшую в России победу манихейского, словами А.Безансона, мировоззрения, сделать привлекательными многие черты наступавшей эпохи сектантского экзистенциализма. В этом отношении движение ставило своей задачей довести до логического конца, приблизить к жизни многие эсхатологические пророчества «веховцев», одновременно встраиваясь с ними в один типологический ряд.

* * *

Ранее в статье «Н.В.Устрялов как гностик» («Евразийский вестник», №19, 2001) мне уже приходилось писать о гностических составляющих в творчестве Устрялова. Я исходил из того, что гностическое мироощущение в определенной мере было заимствовано им от окружавшей общественной среды, насквозь пропитанной революционной героикой 5. Мне кажется, что имеет право на существование и альтернативный взгляд, отстаивающий изначальную приверженность сменовеховца дуалистическому мировосприятию, возникшему, возможно, еще в студенческую пору или даже во времена учебы в гимназии. Недавно опубликованные дневниковые записи Устрялова, относящиеся к московскому периоду 6, по всей видимости, дают возможность аргументированно обосновать подобную точку зрения.

К сожалению, до сих пор еще не вышло сколько-нибудь масштабного исследования, сводящего воедино многочисленные факты устряловского гнозиса. Напротив, господствует мнение о политической амбивалентности Устрялова, о его мировоззренческой всеядности, скрашиваемой «бытовым православием». Рискну предположить, что за ширмой внешней внеидеологичности, окончившейся равнодушием к судьбе собственной семьи и вклеиванием портрета Сталина в дневник накануне ареста, скрывается определенная, старая как мир, идеологема «воли к смерти».

Лейтмотив ухода от мира, сопровождаемый неизбежным обезличиванием и созданием очередной возвеличивающей пустоту химеры, проходит «красной нитью» сквозь все творчество философа. Там, где об этом не пишется напрямую, читатель подспудно подталкивается к выводу о неизбежной и необходимой борьбе двух неких иерархических сущностей, в которой ни одна из сторон не в состоянии добиться окончательной победы. Попытаюсь несколько заострить тему очерка, обратившись в качестве иллюстрации к тексту известной статьи Н.В.Устрялова «Две веры», вошедший в его последний сборник статей «Наше время» (1934) 7.

* * *

«Отрывок «Две веры» — об индивидуализме и универсализме — тоже связан с размышлениями о нашей эпохе, о свободе и диктатуре, о перспективах проблематического (стоящего как проблема) синтеза», — пишет Устрялов в предисловии. По прочтении статьи становится понятным, что ее основная мысль — доказать извечную, изначальную двойственность в идеологических подходах. Можно сказать, что вся статья целиком проникнута духом непримиримого дуализма.

Свой антиномический ряд Устрялов начинает с противопоставления идей личности и сверхличной ценности «(государство, общество, церковь, «культура»)». Первое противостоит второму на примере Ницше и Аристотеля. Попытка синтеза личности и коллектива у Платона, Гегеля и Маркса ни к чему не приводит. Напротив, считает сменовеховец, такая попытка оборачивается утверждением примата «целого над личностью». В то же время Кант и Гумбольдт своей государственной теорией просто подчиняют «государство безусловному началу индивидуальности».

Оказывается, не удастся примирить непримиримое и Достоевскому. Фанатик Шигалев и Иван Карамазов, выражающие соответственно две противоположные интуиции — безумия и гармонии, ставятся Устряловым на одну доску. Лукавый философ безо всяких обиняков пытается показать ненормальность обоих мировосприятий. «Смешно и наивно торопиться с вопросом «чья философия лучше!»», — пафосно провозглашает он.

После утверждения, что «на деле лейт-интуиция» Шигалева «качественно равнозначна гениальному бреду Ивана Карамазова о слезинке ребенка» окончательно становится понятно,

что душой Устрялов с Шигалевым. Образ Шигалева, по мнению харбинского профессора, был Достоевским окарикатурен. Карамазов же, напротив, в пределе становится непротивленцем, иными словами, анархистом. Здесь позиция Устрялова входит в разительное противоречие с точкой зрения Достоевского, которого сложно упрекнуть в симпатиях Шигалеву.

Абстрактная универсалистическая интуиция постулирует принцип «цель оправдывает средства», столь же оторванная от жизни интуиция индивидуалистическая – возводит на пьедестал средства, которые «как бы сами становятся самоцелью». Эту предельную мысль Устрялов не просто старается защитить всеми возможными способами. Он пытается ее адаптировать ко всему, что видит, и в этом ему помогает диалектика. «Гегель отмечал, что сама цель дает логические средства к своему воплощению и не может быть осуществлена средствами, чуждыми или противоположными ее внутренней природе. Но тот же Гегель учил, что высшей ступенью логики является диалектика с ее законом развития через противоположности...»

Характерно, что, соизмеряя образы Ивана Карамазова и Шигалева, Устрялов одновременно пытается обелить своих средневековых единомышленников – альбигойцев⁸. Он приравнивает действия их христианских гонителей к террору революционного Конвента. Так преступления якобинцев ставятся в один ряд со злодеяниями периода альбигойских войн XIII века. Нельзя сказать, что происходит справедливое сопоставление. На вопрос «на чьей стороне правда?» Устрялов упорно отвечает «ни на чьей». Это примерно то же самое, как если бы жертвы нацистов сравнивались с нацистскими военными потерями.

Ниже законными предшественниками Шигалева провозглашаются папы средневековья и Макиавелли, его последователем – Ленин. Вслед за рассуждениями о шигалевщине Устрялов продолжает вполне стройную логическую череду. Он метко подмечает, что структура ордена Иисуса (иезуитов) во главе с Игнатием Лойолой поразительно напоминает партийную иерархию. В унисон большевистскими лозунгами попадает и принадлежащий иезуитам призыв: «если цель законна, законны и средства, ...позволительно делать зло, лишь бы из него возникало добро». Как тут не вспомнить известного сравнения Сталиным большевиков с орденом меченосцев. Чтобы последовательно перейти к определению политики партии, Устрялову остается «вскрыть черты формального «макиавеллизма» в облике Ленина»: «И наконец, в Ленине, человеке двадцатого века нашей эры, универсалистическая интуиция рождает новый свой вариант: интернациональное светское общество».

Все верно, и Лойола, и Макиавелли, и Ленин – все они считаются сторонниками универсализма в виде теократии, национализма и интернационала. Вернее сказать, и национализм, и интернационализм проявляют здесь свои теократические черты. И это заслуга Устрялова – нащупать общий универсалистский корень в кажущихся такими разными направлениях. Государство иезуитов, националистическая утопия Макиавелли, бесформенный, пустой интернационализм Ленина... Если признать, что «бытие определяет сознание, а не наоборот», то все эти идеократии обретают вполне коммунистическое бытие, характеризующееся имманентным обобществлением всех сфер человеческой жизни.

Итак, два противоборствующих принципа налицо: универсализм и персонализм. Чтобы окончательно показать их равнозначность, Устрялов низводит личностную философию до бездны эгоизма Макса Штирнера. Кроме того, он подчеркивает иерархичность целей и средств такой философии, в которой легко запутаться, например, Руссо. Пример с Руссо, который «начав за здравие индивидуализма, кончил за упокой, рекомендуя «заставить человека быть свободным» и всецело полагаясь на общую волю, которая «всегда права»» здесь явно неудачен. Ведь переход Руссо от индивидуализма к «универсализму» никак не означает маргинальности личностного начала, более того, отход от ценностей человеческой личности всегда приводит к моральной деградации. Весьма спорно и определение большевизма как «логики жизни» марксизма.

Устрялов выдвигает гипотезу о кровавой подоплеке борьбы за свободу личности. Подразумевая при этом жертвы революций в Англии и Франции, он забывает упомянуть, кто конкретно отвечает за эти жертвы. Если бы Устрялов был чуть менее эзотеричен, то он, скорее всего, вынужден был бы признать безраздельное господство духа мироотрицания, провоцирующего революционные преступления.

Интересно, что в конце статьи Устрялов приближается к вполне здравым выводам. Он все же отмечает разницу между абстракцией и жизнью. «История и жизнь — всегда компромиссы, всегда помеси, полосатая пестрота». Но тут же выясняется, что пестрота эта не касается целых эпох: «Бывают эпохи, пронизанные универсалистическим мотивом по преимуществу, бывают эпохи, когда, напротив, побеждает индивидуализм».

Индивидуализм подвергается философскому остракизму и апелляцией к диалектике формы и содержания. Ведь каждое конкретное содержание «переливается за грани отдельной замкнутой формы, превращенной в самоцель». При таком универсальном видении личностного начала действительно получается, что индивидуальный подход нежизнеспособен, костен и гол («голый человек на голой земле»). Однако, все это возможно лишь при условии, что содержание отнюдь не соответствует форме, но неизменно превосходит, как бы перевешивает ее. Таким образом, философ демонстративно абстрагируется от какой-либо оформленности. И опять в качестве примера выбран экстремальный Штирнер, славословящий пустоту: «ничто — вот на чем основал я свое дело». Пожалуй, это самое изысканное по своей возвышенности место статьи.

Кажется, что Устрялов колеблется, сомневается, под конец его мысль опять склоняется к возможности синтезировать отвлеченные начала всеобщности и персонализма. Хотя, «Первые практически упираются в деспотизм, вторые — в анархию», но никак «не замирают усилия «примирить» универсум и личность, человечество и человека, солидарность и свободу, единое и многое, целокупность и особь».

Но сменовеховец вряд ли верит в возможность изменить человека и окружающий его мир. Он приходит к выводу, что роковые антиномии исчезнут только с пришествием нового человека на новую землю. Способ наступления вождя «рая на земле» путем всеединого синтеза настолько же дуалистичен, насколько непредсказуем. «Как победит он (мир свободного универсализма – О.В.)? Какой путь вернее ведет к нему: свобода — или власть, автономия лиц — либо диктатура ведущей идеи?» – вопрошает Устрялов пустоту. Два противоположных начала, две идеологии, две веры так и остаются застывшими в своем вечном гностическом антагонизме: «Вся жуткая непримиримость полярных начал остается в основе незыблемой. Ее можно замазать, но не устранить».

* * *

Что же имеем мы в «сухом остатке», вчитавшись в глубокую и так мастерски выполненную статью Устрялова? Прежде всего, эта статья – гимн дуализму. Мы видим два непримиримых (до сего дня) и абсолютно антиномичных подходов. Противоположности борются, сменяя целыми эпохами одна другую, без всякой надежды на синтез, упование на который плавно перетекает в бесконечность (новый человек и новая земля). Тут же постигается и единство этих противоположностей, скрепленное морем крови, проливаемой во славу как одной, так и другой стороны трансцендентного конфликта. Царство свободы и власть необходимости, автономия воли и диктатура идеи низводятся до абстрактных равнозначных категорий, которыми, в сущности, можно и пренебречь. Реально же происходит уничтожение именно идеи личности, которую Устрялов, судя по всему, внутренне не принимает. Именно к этому и стремится подтолкнуть маньчжурский национал-большевик, уверенно и с легкостью жонглирующий

диалектическими терминами.

В этом месте представляется уместным напомнить гностическое представление о мире как о вместилище зла. Известный трактат философа-неоплатоника Плотина так и назывался «Против гностиков, или против тех, кто говорит, что Творец мира – зло, а мир – скверна». Человек, по мысли гностиков, должен всячески стремиться уйти из мира, оторвать его от себя. Именно по этой причине гностические секты, исповедовавшие активный антикосмизм, отвергали институт брака, семью, не признавали собственность. После этого становится понятнее уверенность Устрялова в неистощимости тоски исканий: «Словно знает разум и чует чувство, что последнее примирение возможно, что трагедия не безысходна...» «Но куда течет время и тянется история, реальный синтез не дается, попытки достичь его разоблачаются в их несовершенстве, расплываются в «бесконечной задаче»...», – обреченно констатирует гностик.

Второй, не менее важный момент, на котором здесь необходимо остановиться, – это постоянная, то возрастающая, то убывающая практика подмены понятий. Статья Устрялова «Две веры» просто изобилует интерпретацией широко известных фактов, она целиком проникнута даже не духом, а, если можно так выразиться, пафосом софизма. Создается впечатление, что философом движет какая-то иррациональная ненависть к здравому смыслу, перечеркивающая всякую попытку своего носителя обратиться к разуму.

Чего стоит одно только размывание понятия свободы, повторение избитого революционного штампа «свобода, свобода, сколько преступлений творится во имя твое!» Рассуждая о свободе христиан, националистов, фашистов и большевиков, Устрялов подспудно выключает из этого понятия всякий смысл. «Свобода! Нет более многосмысленной, скользкой идеи; вероятно, ее очарование — именно в ее неуловимости». Тут же упомянутая многосмысленность оборачивается обычным софизмом. Действительно, что такое свобода для большевиков без революции, для Муссолини без государства и так далее... Но разве свобода может воплощаться в диктатуре пролетариата, в мировой революции? Разве свободу обретает ленинец, творя революционный террор? Если большевика освобождает диктатура пролетариата, о какой свободе вообще может идти речь? Или это уже не свобода, или это никогда и не было свободой, но уж точно никакое преступление свободой не станет, даже во имя свободы. Рациональная истина, наверное, предстает слишком уж банальной, гораздо менее привлекательной чем гностический абсурд.

Третий ключевой вывод, который можно сделать по прочтении статьи – зафиксировать нравственную амбивалентность Устрялова. Он полностью исключает из своих рассуждений понятие греха. Такое исключение составляет краеугольный камень любой версии гностического учения. Для него нравственно равнозначны все стороны рассматриваемых конфликтов, вне зависимости от их идейной подоплеки. Возможное использование не ведающих колебаний «идей-злодеек» в целях достижения всеединого синтеза никоим образом не отменяет их холодности и платоновской отстраненности. «Идеи-злодеи: «у идей нет гуманного сердца» — говорил К.Леонтьев». Создается впечатление, что Устрялову плохо понятна сама нравственная категория вины, неразрывно связанная с ответственностью, а через нее и с ненавидимой им свободой.

Не стоит здесь пытаться объяснить устряловскую ненависть его мнительностью, страхом или обреченностью. Кроме того, исследовать эту ненависть, заставляющую сменовеховца пускаться «во все тяжкие», настолько же интересно, насколько неблагоприятна критика любого культа 9. Все это выходит за рамки статьи. Для начала гораздо плодотворнее просто сопоставить сменовеховство Устрялова с общим гностическим отталкиванием от мира, активной позицией мироотрицания. В этом случае многое становится ясным и без обращения к психоанализу.

Примечания:

1. Колеров М.А. К истории национал–большевизма. Письмо Н.В.Устрялова к П.Б.Струве (1920). // Россия и реформы. Сборник статей. Выпуск третий, М., 1995, с. 155–158.
2. Архив Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (США). Коллекция Николая Устрялова (Раздел корреспонденции 1920–1935 гг., ящик 1. Переписка с разными людьми. Папка №1. Документ №11. Папка №2. Документы № №20, 21.).
3. Архив Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (США). Коллекция Николая Устрялова (Раздел корреспонденции 1920–1935 гг., ящик 1. Моя переписка с П.П.Сувчинским. Папка №19. Документ №3.).
4. Интересная деталь, сбивавшая с толку многих исследователей: несмотря на то, что сборник «Смена Вех» реально вышел из печати в сентябре, титульный лист датировался июлем 1921 года.
5. Среди прочего стоит привести факт переписки с Устряловым Николая Николаевича Русова (р.1884), московского литератора и анархо-мистика, печатавшегося в сменовеховском журнале «Россия» («Новая Россия»). Н.Н.Русов проходил в 1930 году по делу «Ордена Света» вместе с А.А.Солоновичем, но не был привлечен к ответственности. К слову сказать, многих сменовеховцев, как, например, Григория Львовича Кирдецова (р.1888) или В.Н.Львова, также справедливо относят к мистикам.
6. Устрялов Н.В. Былое–революция 1917 г. (1890-е гг. – 1919). – М.: Анкил, 2000. См. также: Кондакова Ирина. Служить родине приходится костями. Дневник Н.В.Устрялова 1935-1937 гг. // «Источник». Москва, 1998, №№5-6, с. 3-100; Быстрянцева Людмила. Исправляем ошибки. // «Источник». Москва, 1999, №6, с. 88-91.
7. Устрялов Н.В. Две веры. (Социально-философский фрагмент), Юридический Факультет Высшей школы в Харбине, «День Юриста», 1929; «Наше время (Сборник статей)», Шанхай, 1934, с.164-175.
8. Как известно, гностики-альбигойцы XI-XIV вв. исповедовали непримиримую войну с материальной жизнью. Они враждебно относились к браку, семье, собственности, по сути, выступая предшественниками социалистов и коммунистов. Название свое альбигойцы получили от города Альби в Тарнском департаменте на юге Франции.
9. «Средневековые ереси имеют вид религиозных движений. Но они яростно враждебны той конкретной религии, которую исповедовало окружающее человечество. Убийство монахов и священников, осквернение церквей, сожжение крестов – отмечают всю их историю. И как раз эта ненависть составляла то общее им всем ядро, из которого развивались остальные стороны их мировоззрения» (Шафаревич И.Р. «Социализм» // «Из-под глыб», Париж-Москва, 1974, сноска на с.49).